

RU

Репрезентация гендера через призму компаративных структур
в текстах современной англоязычной женской прозы

Гергель О. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить закономерности репрезентации гендера через компаративные структуры (сравнения) в текстах современной англоязычной женской прозы. Работа направлена на анализ образных парадигм, формируемых устойчивыми ассоциациями между компарадумом (X-элемент, репрезентирующий гендерный признак) и компаратом (Y-элемент, образ сравнения). Научная новизна заключается в интеграции методов гендерной лингвистики, корпусного анализа и когнитивной поэтики для систематизации инвариантов парадигм. Впервые на материале 1481 сравнения (483 маскулинных, 998 фемининных) выявлены асимметричные модели репрезентации, отражающие культурные стереотипы. Полученные результаты показали асимметрию тематических фокусов (фемининные сравнения охватывают более широкий спектр признаков (внешность, эмоции, мышление), маскулинные – редуцированы до внешности и действий); доминантные парадигмы (для женщин: Женщина → Артефакт, Женщина → Фауна; для мужчин: Мужчина → Фауна, Мужчина → Артефакт); культурную специфику: фемининные сравнения эксплуатируют мифопоэтику (русалки, богини – в 3,3 раза чаще), маскулинные – функциональность. Исследование подтверждает, что сравнение в художественном тексте служит инструментом конструирования гендерных стереотипов. Инварианты парадигм (например, Женщина → Флора, встречающийся в 4,7 раза чаще) отражают культурно-обусловленные когнитивные модели.

EN

Gender representation through the lens of comparative structures
in contemporary English-language women's prose

O. V. Gergel

Abstract. The aim of the research is to identify patterns in the representation of gender through comparative structures (similes and metaphors) in texts of contemporary English-language women's prose. The work focuses on analyzing the figurative paradigms formed by stable associations between the comparandum (X-element, representing a gender characteristic) and the comparee (Y-element, the image of comparison). The scientific novelty lies in the integration of methods from gender linguistics, corpus analysis, and cognitive poetics to systematize invariants of these paradigms. For the first time, based on 1481 comparisons (483 masculine, 998 feminine), asymmetric representation models reflecting cultural stereotypes have been identified. The results showed an asymmetry in thematic focuses (feminine comparisons cover a wider range of characteristics (appearance, emotions, thinking), while masculine comparisons are reduced to appearance and actions); dominant paradigms (for women: Woman → Artifact, Woman → Fauna; for men: Man → Fauna, Man → Artifact); and cultural specifics: feminine comparisons exploit mythopoetics (mermaids, goddesses – 3.3 times more often), while masculine comparisons exploit functionality. The research confirms that comparison in a literary text serves as a tool for constructing gender stereotypes. Invariant paradigms (for example, Woman → Flora, which occurs 4.7 times more often) reflect culturally determined cognitive models.

Введение

Актуальность исследования образных парадигм в индивидуально-авторских сравнениях на материале женской англоязычной прозы обусловлена несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, женская литература традиционно выступает мощным инструментом выражения гендерной идентичности, эмоциональной глубины и социальной критики, где образные сравнения становятся не только стилистическим приемом, но и способом формирования уникального авторского голоса. Анализ таких парадигм позволяет выявить, как современные

женщины-писательницы (среди которых Сесилия Ахерн, Кэндес Бушнелл, Элизабет Гилберт, И. Л. Джеймс, Софи Кинселла (Мадлен Уикхем), Даниэлла Стилл, Кэтрин Стоккет, Фанни Флагг, Хелен Филдинг и др.) через метафоры и аналогии передают субъективный опыт, переосмысливают традиционные гендерные роли или создают альтернативные нарративы, отражая культурные и исторические контексты. Во-вторых, исследование этих парадигм способствует углубленному пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе создания и восприятия образности, что перекликается с теориями концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Особую ценность представляет изучение того, как индивидуальные авторские сравнения взаимодействуют с культурно-общественными моделями, формируя уникальные репертуары образов, которые могут как воспроизводить, так и оспаривать доминирующие дискурсы. В-третьих, в эпоху цифровых технологий и глобализации анализ образных парадигм в женской прозе становится актуальным для междисциплинарных исследований, включая феминистскую лингвистику, когнитивную поэтику и переводоведение. Это открывает возможности для изучения адаптации женских текстов в новых медиа, а также для сохранения культурного наследия через реконструкцию авторских стилей. Таким образом, исследование образных парадигм в индивидуальных сравнениях не только расширяет теоретические рамки анализа языковой и литературной практики, но и обогащает понимание роли женской прозы в формировании языкового сознания и социальной динамики.

Реализация цели исследования предполагает последовательное решение ряда задач:

- осуществить аналитический обзор современных теоретических подходов и методологических направлений в изучении сравнения как лингвистической категории, а также интерпретации образных парадигм с точки зрения когнитивной лингвистики;
- разработать методику лингвистического анализа сравнений, ориентированную на выявление и классификацию образных парадигм в текстах авторов-женщин и последующее выявление специфических гендерных стратегий репрезентации опыта, реализуемых через данный троп в рамках исследуемого корпуса;
- идентифицировать инвариантные лексические и семантические элементы, составляющие ядро образных парадигм, с акцентом на их структурно-функциональные характеристики и репрезентацию в текстах различных жанровых разновидностей женской прозы.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: методы теоретического анализа, применяемые для систематизации фактического материала и выведения определенных закономерностей в процессе описания; общелингвистические методы, такие как индукция – для выведения общих закономерностей (гендерных парадигм, асимметрии) из анализа конкретных сравнительных конструкций (1481 пример); наблюдение – для первичного выявления и фиксации компаративных структур, их компонентов (компаратум X и компарат Y) и контекстов в текстах женской прозы; интерпретация – для смыслового истолкования выявленных образных парадигм, установления связи между выбором компарата (Y) и репрезентацией гендерного признака (X), определения культурных стереотипов и когнитивных моделей, стоящих за парадигмами; обобщение – для формулировки выводов о системных закономерностях репрезентации маскулинности/фемининности через сравнения (асимметрия тематических групп, доминантные парадигмы, культурная специфика).

Частно-лингвистические методы, такие как лексико-семантический анализ, позволили тщательно изучить значения лексем, составляющих компаратум (X: признаки внешности, характера и т. д.) и компарат (Y: образы фауны, артефактов и т. п.); классифицировать сравнения по тематическим группам (ТГ) и подгруппам (ТПГ) для X и Y; выявить семантические сходства и различия в наполнении парадигм для мужчин и женщин; определить инвариантное ядро образных парадигм (устойчивые типы связей $X \rightarrow Y$). Метод контекстуального анализа использовался для изучения окружения сравнения в тексте; точной идентификации функции сравнения как тропа (образного уподобления); определения конкретного гендерного атрибута (X), который репрезентируется в данном контексте; понимания оценочной нагрузки и авторского замысла в использовании конкретного компарата (Y). Методы систематизации, а именно классификация, использовались для разделения всего корпуса сравнений (1481) на две основные категории: маскулинные (483) и фемининные (998); классификации внутри этих категорий по тематическим группам (ТГ) для компаратума (X) (Внешность, Действия, Эмоции и т. д.) и подгруппам (ТПГ) (напр., Внешность $\rightarrow$ Глаза, Волосы и т. д.); классификации компаратов (Y) по образным парадигмам/доменам (Фауна, Флора, Артефакты, Антропоморфные образы и т. д.) и их подкатегориям. Метод систематизации материала позволил упорядочить выявленные классификации и парадигмы в единую структурированную систему (таблицы, схемы), отражающую связи $X \rightarrow Y$, и распределить их по гендеру.

Количественные методы использовались для статистического анализа (подсчет и сравнение) количества сравнений в каждой категории (маскулинные/фемининные); частотности тематических групп (ТГ) для X; частотности образных парадигм/доменов для Y; частотности конкретных лексем-компаратов (Y) внутри парадигм; соотношений и диспропорций (напр., 4,7-кратное преобладание Флоры для женщин, 3,3-кратное преобладание мифопоэтических образов для женщин); доли индивидуально-авторских сравнений ($> 90\%$). Этот анализ был основой для доказательства асимметрии и выявления доминантных парадигм.

Данный комплекс методов обеспечил последовательное движение от эмпирических данных (тексты, сравнения) к системному описанию и интерпретации образных парадигм, репрезентирующих гендер в текстах современной женской прозы, подтверждая выводы как качественными (интерпретация, контекст), так и количественными (статистика) аргументами.

Теоретическая база исследования выстраивается на синтезе классических подходов к описанию стилистики и поэтики И. В. Арнольд (2002), В. В. Виноградова (1963), Г. Я. Солганика (2005) и революционных

положений когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф, М. Джонсон (2004), З. Кёвечеша (Kövecses, 2005), Р. Гиббса (Gibbs, 2005), Г. Штейна (Steen, 1994), Дж. Литтлмор (Littlemore, 2020). Данный теоретический синтез дополняется и конкретизируется углубленным анализом концепций образа и образности С. М. Мезенина (1983), а также исследовательской моделью парадигм образов в сравнительных конструкциях, разработанной А. В. Казаковым (2004) и Н. В. Павлович (1995). Эта многоуровневая теоретическая конструкция служит основой для последующего анализа.

Эмпирическая база исследования представлена репрезентативной выборкой современной англоязычной женской прозы. Критерием включения текстов в выборку послужил их статус бестселлеров как на национальном, так и на международном уровне. На основании данного критерия был сформирован корпус из 107 произведений авторов, занимающих лидирующие позиции в жанре (Сесилия Ахерн, Лоурен Барнхольдт, Энн Брашерз, Кэндес Бушнелл, Дженнифер Вайнер, Таммара Веббер, Трэйси Гарвис-Грэйвз, Ким Гатлин, Элизабет Гилберт и др.). Из данного корпуса методом сплошной выборки был идентифицирован и извлечен 1481 пример сравнительных конструкций, актуализирующих признаки мужского или женского персонажа, образующих таким образом эмпирический объект исследования.

Практическая значимость работы определяется прикладным потенциалом собранного эмпирического материала и выводов для изучения компаративных структур в художественной речи. Результаты исследования (анализ метафоро-сравнительных связей, описание актуализации образных парадигм, характеристика гендерных особенностей лингвистической репрезентации) обладают дидактической ценностью и могут быть включены в образовательные программы по широкому спектру лингвистических дисциплин: от теории языка и когнитивистики до гендерных исследований и герменевтики текста.

Обсуждение и результаты

Категориальный статус сравнения в лингвистике является предметом научной полемики. Несмотря на то, что традиционно оно определяется как троп, сущность которого заключается в уподоблении объектов на основе общего признака (Словарь лингвистических терминов, 1966), это определение не является общепринятым. Ряд исследователей настаивает на тропологическом характере сравнения, указывая на наличие в его структуре предмета и образа, а также на эффект семантического приращения, аналогичный метафорическому. Иная точка зрения относит сравнение к фигурам речи, поскольку в его рамках слова функционируют в своих прямых значениях. Наконец, третья группа лингвистов отводит сравнению гибридное положение на границе тропов и фигур.

Если традиционное понимание сравнения как стилистического приема фокусируется на его локальной функции – уподоблении объектов (X подобен Y) для усиления экспрессии или прояснения признака, – то накопление эмпирического материала выявляет закономерность: компаративные образы не существуют изолированно. Они образуют устойчивые ассоциативные цепочки, где один и тот же концепт-мишень (компаратум X) рекуррентно сопоставляется с кластерами семантически связанных образов-источников (компаратов $Y_1, Y_2 \dots Y_n$). Этот феномен системной повторяемости, наблюдаемый на диахроническом и синхроническом уровнях, закономерно переводит анализ с плоскости отдельного тропа в плоскость образных парадигм.

Образная парадигма или парадигма образов не является случайной совокупностью, а структурируется по принципу семантических полей или фреймов, отражая когнитивные и культурно детерминированные паттерны ассоциирования. Выбор конкретного образа (компарата) из доступной парадигмы определяется целевой установкой говорящего (эмфаза, оценка, аргументация) и спецификой референциального домена. Анализ таких парадигм выявляет ключевые для дискурса концептуальные области-источники (например, природные явления, артефакты, антропоморфные характеристики, абстрактные понятия), используемые для структурирования восприятия компарада. Систематизация образов позволяет говорить о типизированных когнитивных моделях сравнения, где определенные классы объектов (животные, стихии, механизмы) регулярно привлекаются для репрезентации заданных признаков (сила, скорость, хаотичность, сложность). Таким образом, парадигма образов выступает не только как лингвистический ресурс, но и как индикатор глубинных механизмов категоризации и оценочного моделирования действительности в языке.

Исследование парадигмы образов, актуализируемых в сравнительных конструкциях, базируется на понимании системной организации этих референтов. Концепция образной парадигмы, введенная Н. В. Павлович (1995, с. 14) при анализе русской поэтической образности XVIII–XX вв., трактуется автором как инвариантная структура, интегрирующая сходные образы через устойчивую связь двух семантических компонентов по принципу отождествления. Ключевым аспектом этой концепции является двуединство: она охватывает как абстрактную схему (инвариантное ядро), так и многообразие ее конкретных текстовых реализаций (Павлович, 1995, с. 48). Разработанный Павлович подход к «словарю поэтических образов» раскрывает механизм формирования семантических полей (например, «природа», «артефакты», «человек») через устойчивые сопоставления, отражающие культурно и авторски детерминированные модели восприятия реальности.

В рамках диссертационного исследования А. В. Казаков (2004) выдвигает тезис о доминирующем статусе образных парадигматических рядов типа «имя → имя» в системе отождествления. Ученый аргументирует это их высокой частотностью по сравнению с другими, комплементарными типами парадигм. Казаков также дифференцирует два типа структурных отношений между парадигматическими рядами:

- Горизонтальные связи: образуют бинарные оппозиции между прямым ($X \rightarrow Y$) и обратным ($Y \rightarrow X$) рядами (напр., прямой ряд глаз → цветок (“the flower-like eyes of lucent blue”, E. A. Robinson) и обратный ему цветок → глаз (“clear-eyed daisies”, S. Teasdale)).

– Вертикальные связи: характеризуют иерархическую организацию, где частные параллельные ряды ($X_1 \rightarrow Y_1, X_2 \rightarrow Y_2, \dots$) интегрируются обобщающей макропарадигмой ($X \rightarrow Y$). Так, ряды $\text{глаз} \rightarrow \text{луна}, \text{глаз} \rightarrow \text{звезды}, \text{глаз} \rightarrow \text{солнце}$ объединяются макропарадигмой $\text{глаз} \rightarrow \text{свет}$. Каждому прямому параллельному ряду соответствует обратный (напр., «солнце» $\rightarrow$ «глаз» для «глаз» $\rightarrow$ «солнце»).

Работы ведущих зарубежных когнитивных лингвистов существенно углубили понимание системной природы образов, используемых в сравнениях, выявив их когнитивные, телесные и культурные основания.

Так, например, Золтан Кёвечеш (Kövecses, 2005, p. 1-25) последовательно доказывает, что репертуар образов (компаратов) в сравнениях не универсален, а глубоко культурно специфичен. Он формируется под влиянием культурных моделей – разделяемых членами социума систематизированных представлений о мире, включающих ценности, верования, практики и исторический опыт. Эти модели определяют, какие концептуальные области-источники являются релевантными, доступными и оценочно нагруженными для уподобления объектам (целевым областям) в рамках данной культуры. Например, сравнения, описывающие гнев, в разных культурах могут привлекать образы из областей «животные» (англ. like a raging bull), «природные стихии» (венг. like a summer storm), «болезни» (тайск. like a mad elephant with running nose) или «социальные действия», что отражает специфику культурных моделей эмоций (Kövecses, 2005, p. 57-82).

Другой зарубежный лингвист Рэймонд Гиббс (Gibbs, 2005, p. 136-145) считается основоположником подхода воплощенного познания (embodiment), критически важного для понимания связи телесного опыта и образов сравнения. Теория воплощенного познания (“embodied cognition”), развиваемая Гиббсом, является краеугольным камнем для понимания происхождения и устойчивости многих образов в парадигмах сравнения. Гиббс утверждает, что наши концептуальные системы и языковые паттерны, включая сравнения, коренятся в сенсомоторном опыте взаимодействия с физическим миром. Выбор образов для сравнения часто мотивирован непосредственным телесным опытом. Сравнения вроде «твердый как камень», «теплый как солнце», «гибкий как тростник», «тяжелый как свинец» напрямую отражают тактильные, проприоцептивные и визуальные ощущения. Эти ощущения формируют базовые сенсорно-моторные схемы, которые становятся источником для понимания и вербализации более абстрактных понятий (напр., «тяжелая утрата», «теплые отношения», «гибкий ум»).

Герард Штейн (Steen, 1994, p. 18-19) внес значительный вклад в изучение конвенциональных сравнений (conventional similes) и их роли в дискурсе. Его исследования сосредоточены на том, как устойчивые, часто воспроизводимые образы формируют основу парадигмы, доступной носителям языка в повседневной и специализированной коммуникации.

Штейн (Steen, 1994, p. 18-19) выделяет конвенциональные сравнения (напр., «белый как снег», «легкий как перышко», «хитрый как лиса») как отдельный, высокочастотный и системно организованный пласт языка. Эти сравнения хранятся в ментальном лексиконе как готовые единицы (formulaic language). Их образы (компараты) образуют ядро парадигмы, характеризующееся предсказуемостью и легкостью декодирования для носителей языка. Креативные, индивидуально-авторские сравнения, по Штейну, строятся на периферии или в оппозиции к этой конвенциональной парадигме.

Статья Штейна “The contemporary theory of metaphor – now new and improved!” (Steen, 2011) представляет собой критический анализ и модернизацию классической теории концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона, в которой автор критикует ограничения исходной теории, а именно упрощенность. По мнению Штейна, традиционная модель (метафора = проекция из исходного домена в целевой домен) игнорирует вариативность и контекстную зависимость. Более того, теория фокусируется на мышлении, но не объясняет, как метафоры вербализуются в речи, а также не учитывает, как метафоры функционируют в реальном дискурсе (убеждение, эмоции, инференция). Статья Штейна – методологический манифест, трансформирующий теорию метафоры из умозрительной конструкции в инструмент для точного анализа языка. Акцент на языковом и коммуникативном уровнях позволяет изучать метафоры не только как когнитивные феномены, но и как элементы социального взаимодействия, т. к. метафора не просто отражает мышление – она конструирует реальность через коммуникацию (Steen, 2011).

В монографии “Metaphor and Embodied Cognition: Language, the Body, and the World” Джанетт Литтлмор (Littlemore, 2020) приводит эмпирические свидетельства того, как носители языка идентифицируют структурное ядро в креативных сравнениях. Анализ данных нейролингвистических и психоллингвистических экспериментов с интерпретацией нестандартных метафор (напр., «время – это паук», «любовь – это лабиринт») демонстрирует, что распознавание базового концептуального каркаса, связывающего целевую и исходную домены, опосредовано процессами воплощенной симуляции (embodied simulation). Так, метафора «время – это паук» активизирует культурно укорененные представления о времени как силе, «плетущей сети», опираясь на сенсорный опыт восприятия паутины. Это подтверждает гипотезу о неслучайном характере креативных сравнений, основанных на устоявшихся когнитивных паттернах, формируемых коллективным культурным и сенсорным опытом. Исследование также подчеркивает контекстуальную зависимость актуализации метафорической структуры: в мультимодальных дискурсах (поэзия, реклама) доступность ядра метафоры повышается благодаря визуальным или аффективным сигналам (Littlemore, 2020, p. 112-125). Работа Дж. Литтлмор развивает теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, акцентируя динамическую природу метафорических парадигм и их адаптацию к индивидуальному и культурному репертуару.

Вклад этих авторов демонстрирует, что парадигма образов в сравнениях – это сложное, многоуровневое явление. Она формируется под влиянием универсальных телесных основ, что объясняет некоторые кросс-культурные

сходства, но приобретает свою специфику благодаря культурным моделям, определяющим набор релевантных источников и оценок. При этом в конкретных коммуникативных практиках актуализируются дискурс-специфические подмножества этой общей парадигмы, где центральную роль играют конвенциональные, легко узнаваемые образы. Следовательно, парадигма образов предстает как динамическая система, структурированная взаимодействием языковых конвенций, когнитивных механизмов категоризации и культурно-обусловленных концептуальных структур, обеспечивающая репрезентацию и оценку реальности через призму компарации.

В современной науке исследование компаративных структур вышло за рамки чисто стилистического анализа, интегрировав междисциплинарные подходы, что особенно актуально в контексте нашего исследования. Так, например, в статье “A Corpus-based Study of Similes in British and American English” (Hussein, Sawalha, 2016, p. 49-60) исследуется вариативность структуры сравнений в английском языке на материале Британского национального корпуса и Корпуса современного американского английского. Авторы оспаривают распространенное представление о том, что сравнения (например, *as old as the hills*, *as white as snow*) являются фиксированными формульными выражениями. Посредством корпусного анализа четырех прилагательных (*good*, *old*, *white*, *black*) в трех грамматических конструкциях ([As + Adj + As + Def.Art. + N], [As + Adj + As + Indef.Art. + N], [As + Adj + As + 0Art. + N]) они демонстрируют, что существительные, следующие за шаблоном сравнения, значительно варьируются по частоте и типу.

В одном из последних исследований С. Уллах “Exploring Simile in Political Speeches through Corpus Techniques” (Ullah, Zahra, Khan et al., 2021) представляет корпусный анализ структурных и функциональных особенностей сравнений в политическом дискурсе. На материале 20 речей англоязычных политиков XX века (74 470 слов, включая выступления М. Л. Кинга, Ф. Рузвельта, Р. Рейгана) авторы выявили доминирующие синтаксические паттерны; установили частотные закономерности (маркер *as* используется в 3,6 раза чаще *like* (58 vs 16 случаев)); систематизировали функции сравнений в убеждении аудитории; обнаружили идеологическую нагрузку. Методология демонстрирует потенциал корпусных инструментов в выявлении инвариантов компаративных парадигм, но ограничена малым гендерным разнообразием (только 1 женская речь) (Ullah, Zahra, Khan et al., 2021, p. 794-810).

В статье “Semantic representation of similes” предлагается универсальная модель семантической репрезентации сравнений, преодолевающая ограничения традиционных формализованных подходов (например, шаблона *X is like Y*). Автор обосновывает необходимость ономастического подхода (от содержания к форме), который учитывает импликацию сравнения, а не только его поверхностную структуру. Данная статья дополняет корпусное исследование вариативности сравнений (Hussein, Sawalha, 2016) семантико-когнитивной моделью, объясняющей почему носители языка могут гибко комбинировать объекты и образы в сравнениях (напр., *as good as gold/money/people*) (Oleniak, 2018, p. 18-32).

В статье “(Sub)cultural specificity of fiction simile and the choice of translation strategy” (Martynyuk, Akhmedova, 2022, p. 50-62) исследуется влияние культурной и субкультурной специфики на выбор стратегий перевода сравнений в художественной литературе. На материале 107 сравнений из романов Донны Тартт («Щегол», «Тайная история») и их украинских переводов авторы, используя инструментарий когнитивной лингвистики и перевода, выявляют корреляции между типом сравнения, культурной специфичностью концептуальных мейппингов и переводческими решениями.

Таким образом, в современной лингвистике исследования сравнений характеризуются междисциплинарным подходом и смещением фокуса в сторону функциональных, когнитивных и дискурсивных аспектов. Актуальные тенденции включают: корпусные исследования, кросс-лингвистический анализ, цифровую лингвистику и т. д.

Обратимся к лингвистическому анализу компаративных парадигм, репрезентирующих маскулинность и фемининность в дискурсе современных англоязычных писательниц. Лексико-семантический и контекстуальный анализ позволил дифференцировать отобранные сравнения на две категории:

- маскулинные сравнения (n = 483);
- фемининные сравнения (n = 998).

Необходимо пояснить, что в данном исследовании термины «маскулинный» / «фемининный» следует интерпретировать не как абсолютные категории, а как контекстуально обусловленные маркеры, поскольку вне конкретного дискурсивного окружения компаратив может репрезентировать оба гендера.

Объектом анализа выступают устойчивые корреляции:

- левый элемент парадигмы (компаратив): тематические кластеры лексем/словосочетаний, кодирующих атрибутивные признаки мужчин и женщин (физические, поведенческие, социальные);

- правый элемент (компарат): образные референты, осуществляющие уподобление через сравнение.

Эмпирический этап предполагает решение четырех ключевых задач:

- идентификация и классификация компаратов;
- выявление лексико-семантического состава образов сравнения (Y) для каждой атрибутивной группы (X);
- сопоставительный анализ парадигм;
- определение доминантных парадигматических моделей для маскулинных vs фемининных характеристик.

Исследование базируется на корпусе текстов XXI века, что позволяет выявить актуальные тенденции в репрезентации гендера через призму компаративных структур.

Рассмотрим тематическую организацию компарадумов (X-элемент):

В процессе анализа сравнительные конструкции внутри каждой категории были систематизированы в тематические группы (ТГ) и подгруппы (ТПГ) на основе идентифицированных семантических и когнитивных

признаков. Например, маскулинные сравнения объединены в следующие тематические блоки (иерархия по частотности):

- 1) «Внешность»;
- 2) «Физические действия»;
- 3) «Голос»;
- 4) «Черты характера, внутренние качества»;
- 5) «Межличностные отношения»;
- 6) «Эмоционально-психическое состояние»;
- 7) «Физические качества»;
- 8) «Привычки, поведение»;
- 9) «Физиологическое состояние».

Тематические группы фемининных сравнений демонстрируют вариативность как в количественном, так и в качественном аспектах. В результате анализа выявлены следующие категории и их подкатегории, сформированные на основе общих семантических, стилистических и когнитивных признаков (иерархия по частотности):

- 1) «Внешность»;
- 2) «Физические действия»;
- 3) «Эмоционально-психическое состояние»;
- 4) «Голос»;
- 5) «Межличностные отношения»;
- 6) «Физические качества»;
- 7) «Черты характера, внутренние качества»;
- 8) «Физиологическое состояние»;
- 9) «Мышление, интеллект».

Для демонстрации методологии анализа были избраны три репрезентативные тематические группы (ТГ): две наиболее объемные («Внешность» и «Физические действия») и группа, характеризующаяся выраженным количественным дисбалансом («Эмоциональное состояние»).

Результаты лексико-семантического анализа подтверждают, что ТГ «Внешность» (n = 451) является одной из наиболее репрезентативных для фемининных и маскулинных сравнений. Внешность женских и мужских персонажей структурирована по следующим ТПГ: 1) «Общее впечатление»; 2) «Лицо» (включая детализацию); 3) «Тело»; 4) «Походка» (исключительно для фемининных сравнений). Так, например, ТПГ «Общее впечатление» объединяет сравнения, которые формируют целостное восприятие образа персонажа через совокупность эстетических, социальных, ассоциативных и комплексных характеристик. Критерием выделения подгрупп служит способ выражения основания сравнения:

1) оценочные прилагательные общего характера: основание сравнения реализуется прилагательными с семантикой общей оценки внешности (красивый, некрасивый, прекрасный, милый). Пример: *She's sweet like ripe fruit* (Nobody But Us). / Она сладкая, как спелый фрукт; *She was just as sweet as cream butter* (On Mystic Lake). / Она была нежной, как сливочное масло;

2) глагольные конструкции с look/be: основание сравнения имплицитно реализуется через глаголы восприятия (look) или бытия (be), непосредственно связывающие референт с образом. Примеры: *She looked like she'd been up all night... like Cinderella* (Gossip Girl). / Она выглядела так, будто не спала всю ночь... как Золушка; *She was like a beautiful racehorse...* (HRH). / Она была подобна прекрасной скаковой лошади...

Референт (левый элемент) в данных сравнениях выражается лексемами, идентифицирующими персонажа: личными местоимениями (she, he, I), именами собственными или нарицательными.

Правый элемент (образ) сравнений в ТПГ «Общее впечатление» реализуется лексикой, относящейся к следующим тематическим группам (ТГ): «Окружающая среда», «Артефакты», «Мифологические существа», «Антропонимы». Анализ корпуса выявил устойчивую иерархию частотности сравнений целостного внешнего вида женских персонажей с объектами данных ТГ (в порядке убывания):

1) «Фауна» (ТГ «Окружающая среда»): сравнение с животными, насекомыми или птицами, часто подчеркивающее визуальное сходство или ассоциативную характеристику. Пример: *When she's wearing black leggings she looks just like a spider* (Confessions of a Shopaholic). / В черных леггинсах она выглядит в точности как паук;

2) «Артефакты»: игрушки (куклы): акцент на хрупкости, искусственности или эстетике. Пример: *She looked like a very fragile porcelain doll* (Changes). / Она выглядела как очень хрупкая фарфоровая кукла; продукты питания: часто передают оценочные характеристики (сладость, мягкость, свежесть/порча). Пример: *She looked like a big pink marshmallow* (Trading Up). / Она была похожа на большую розовую зефирку;

3) «Мифологические существа»: сравнение с фантастическими или сверхъестественными образами, подчеркивающее необычность, красоту или опасность. Примеры: *She was like a siren... luring sailors* (Trading Up). / Она была как сирена... что заманивала моряков; *She looked like a Greek goddess* (Bungalow 2). / Она выглядела как греческая богиня;

4) «Антропонимы»: сравнение с реальными или вымышленными персонажами, эксплицирующее узнаваемые черты или ассоциативный ряд. Примеры: *You look like some sort of Mary Poppins...* (Bridget Jones's Diary). / Ты прямо как Мэри Поппинс...; *She does look like Gwyneth Paltrow* (Remember Me). / Она и правда похожа на Гвинет Пэлтроу.

Анализ сравнений, мотивированных общим впечатлением от внешности мужских персонажей, выявил следующие доминирующие образные парадигмы (в порядке частотности):

1) «Фауна» (ТГ «Окружающая среда») с выраженным акцентом на сравнение с собаками различных пород, подчеркивающее физические черты, поведение или статус. Примеры: *Marcus and Will looked like two dogs fighting over a bone* (The Actual Real Reality of Jennifer James). / Маркус и Уилл вели себя как два пса, дерущиеся из-за кости; *Ned looks like a Rottweiler ready to pounce* (Shooting Stars). / Нед похож на ротвейлера, готового к прыжку;

2) «Артефакты» (ТГ «Артефакты»): сравнение с предметами, передающее характеристики внешности, состояния или социального восприятия. Примеры: *Guys like Bruce were as common as white, cotton socks sold in six packs at the Wal-Mart, if not as clean* (Good In Bed). / Такие парни, как Брюс, были обычным делом, как белые хлопковые носки, что продаются в шестерках в «Волмарте», если не так же чисты; *Shane was like a cheap piece of silver plate that once tarnished permanently loses its shine* (Lipstick Jungle). / Шейн был подобен дешевому посеребренному изделию: стоит ему однажды потускнеть, и блеск его утрачивается навсегда;

3) «Антропонимы» (ТГ «Антропонимы»): сопоставление с узнаваемыми реальными или вымышленными персонажами. Примеры: *He looks like a bad photocopy of Justin Timberlake* (The Actual Real Reality of Jennifer James). / Он – как кривая копия Джастина Тимберлейка; *He looked like Squidward from Sponge Bob Square Pants* (Flawless). / Он был похож на Сквидварда из «Губки Боба Квадратные Штаны».

Тематическая группа «Физические действия», одна из наиболее репрезентативных в корпусе, включает три тематико-понятийные группы (ТПГ):

- 1) «Собственно физические действия» (глаголы со значением действия, исключая движение/покой);
- 2) «Движение-неподвижность» (глаголы пространственного перемещения или статичного положения);
- 3) «Трудовая деятельность» (устойчивые сравнения, рассмотренные отдельно).

ТПГ «Собственно физические действия» характеризует разнообразные манипулятивные и поведенческие акты. В фемининных сравнениях доминирует образ фауны, реже – артефактов и мифологических существ: *She snaps on it like a shark scenting blood* (Mini-Shopaholic). / Она набрасывается на это, как акула, почуявшая кровь (фауна (агрессия)); *Talullah was stuck to his side like a... piece of chewing gum* (The Actual Real Reality...). / Талулла не отлипала от него, как... прилипшая жвачка (артефакт (навязчивость)).

ТПГ «Движение-неподвижность» объединяет глаголы:

- 1) движения (горизонтальное/вертикальное перемещение: to glide, dart, rocket, float, circle, explode и др.);
- 2) позиции/неподвижности (to stand, sit, lie, be frozen).

Образные парадигмы по способу движения/позиции для фемининных сравнений представлены следующим образом:

- «Фауна»: *Like a wounded animal, she crawled into bed, buried her head in her hotel pillow* (The Wedding Girl). / Словно раненое животное, она заползла в кровать и зарылась головой в гостиничную подушку;

- «Природные явления»: *Like a whirlwind, Janice springs into action* (Shopaholic and Baby). / Как ураган, Дженис стремительно переходит к действиям;

- «Артефакты»: *Laura moved like a missile* (One Day In May). / Лора мчалась со скоростью ракеты;

- «Мифологические существа»: *She towers over me like a Xmas tree fairy* (50 Shades Darker). / Она возвышается надо мной, как рождественский ангелочек на верхушке ёлки.

Для маскулинных сравнений характерны следующие инварианты:

- «Фауна»: часто хищники/собаки: *Selden wished that the floor would open up and swallow him, or, better yet, that Victor would swallow him. Whole. Like a lion. Or rather, more like an alligator. Lions only ripped their victims from limb to limb. Alligators drowned their victims first and then ate them* (Trading Up). / Селден желал, чтобы пол разверзся и поглотил его, или, еще лучше, чтобы его поглотил Виктор. Целиком. Как лев. Вернее, даже больше как аллигатор. Львы лишь разрывали своих жертв на куски. Аллигаторы сначала топили своих жертв, а потом съедали;

- «Артефакты»: *Robert turns toward camera like a heat-seeking missile* (Confessions of an Almost Girlfriend). / Роберт поворачивается к камере с точностью самонаводящейся ракеты;

- «Мифологические существа»: *He removes my dress like a magician* (50 Shades of Grey). / Он снимает мое платье с ловкостью фокусника;

- «Вымышленные персонажи»: *He tried to break out of his straps like the Incredible Hulk breaking out of his clothes* (Gift). / Он пытался разорвать свои ремни, словно Невероятный Халк, рвущий свою одежду.

Анализ корпуса современной англоязычной женской прозы выявил значительный дисбаланс в частотности сравнений, характеризующих эмоционально-психическое состояние: фемининные сравнения (n = 136) существенно преобладают над маскулинными (n = 16). Это свидетельствует о меньшей авторской фокусировке на вербализации мужских эмоций, что может объясняться как психологическими особенностями репрезентации, так и аудиторной ориентацией жанра.

Структура ТГ «Эмоционально-психическое состояние» включает сравнения со следующими типами предмета:

- глагол feel: *She felt like a plant... suddenly uprooted* (HRH). / Она чувствовала себя растением... внезапно вырванным с корнем; *He felt like... an abandoned dog* (Gossip Girl). / Он чувствовал себя... брошенной собакой;

- лексемы, обозначающие эмоции/чувства: *She felt a ping of fear, like a drop of acid on bare skin* (Night Road). / Она почувствовала острый укол страха, похожий на каплю кислоты на голой коже; *His anger broke free out of him like a wild animal* (Trading Up). / Его гнев вырвался на свободу, словно дикий зверь;

- лексема heart (как источник эмоций): *My heart leaped up into my throat and rattled around like some crazed pinball* (Size 12 Is Not Fat). / Мое сердце подпрыгнуло к горлу и затрепетало, как обезумевший шарик в пинболе; *Jack's heart thumped like a trump* (There's No Place Like Here). / Сердце Джека колотилось, как барабан;

• концепты, обозначающие эмоции: *Her insides light up like a Christmas tree* (Lipstick Jungle). / У нее внутри все вспыхнуло, как рождественская ёлка; *my inner goddess bounces... like a small child* (50 Shades Grey). / моя внутренняя богиня скачет... как маленький ребенок.

Доминантные образные парадигмы для фемининных сравнений представлены ниже:

• «Человек» (акцент на сравнении с ребенком): *She felt like a kid who didn't get invited...* (Bungalow 2). / Она чувствовала себя ребенком, которого не позвали...;

• «Фауна»: *Feeling like a caged lion...* (There's No Place Like Here). / Ощущая себя словно лев в клетке...;

• «Артефакты» (предметы быта, еда): *Excitement was bubbling... like champagne* (Someone Else's Life). / Возбуждение пузырилось... как шампанское;

• «Природные явления»: *Fear... travelling through my body like a wave* (On the Island). / Страх... прокатился по моему телу волной;

• «Антропонимы»: *I felt like Julia Roberts in Pretty Woman...* (Good in Bed). / Я чувствовала себя Джулией Робертс в «Красотке»...;

• Ситуативные сравнения: *I'm nervous. Feel like having a panther or a mountain lion all unpredictable and predatory in my room* (50 Shades of Grey). / Я нервничаю. Такое чувство, будто в моей комнате находится пантера или горный лев – непредсказуемый и хищный.

В маскулинных сравнениях доминирует конструкция с глаголом *feel*: *He felt like someone had planted tomahawk in his back* (Happy Birthday). / Он чувствовал, будто ему в спину воткнули томагавк; *He didn't feel like Prince Charming; he felt helpless and trapped like Rapunzel* (Gossip Girl). / Он не чувствовал себя Принцем на белом коне; он чувствовал себя беспомощным и запертым, как Рапунцель; *Out on the street, he wandered aimlessly toward the park, feeling like an abandoned dog* (Gossip Girl). / На улице он бесцельно брел по направлению к парку, чувствуя себя брошенной собакой.

Ключевые образные парадигмы в маскулинных сравнениях представлены следующими инвариантами:

• «Антропонимы»: *He felt like Prince Charming / Rapunzel* (Gossip Girl). / Он чувствовал себя Принцем на белом коне / Рапунцель;

• «Артефакты»: *Again he felt like a threatened building...* (Trading Up). / Снова он почувствовал себя зданием, которому угрожает опасность...;

• «Фауна»: *His anger broke free... like a wild animal* (Trading Up). / Его гнев вырвался на свободу... словно дикий зверь.

Представляется, что указанные выше гендерные характеристики отражают ключевые аспекты мужской и женской идентичности, которые находят художественное воплощение в творчестве современных женщин-писательниц. Эти параметры актуализируются через использование сравнительных конструкций, выступающих в качестве одного из ведущих стилистических механизмов построения образности. Наблюдаемая диспропорция в тематическом спектре (наличие «Мышления, интеллекта» исключительно в фемининных ТГ) отражает приоритетные аспекты репрезентации гендера в исследуемом дискурсе.

Далее приведены результаты анализа частотности лексем-компаратов (Y-элемент), который выявил системные закономерности в наполнении тематических групп. Ниже представлены квинтэссенции наиболее репрезентативных моделей.

1. Природные домены

• «Фауна» (доминирующая подгруппа):

– универсальные номинации: *dog* / собака/пес, *cat* / кот/кошка, *bird* / птица, *fish* / рыба, *horse* / лошадь;

– гендерно-нейтральные таксоны: *snake* / змея, *shark* / акула, *rabbit* / кролик, *lion* / лев, *lioness* / львица, *spider* / паук;

– фемининные акценты: *puppy* / щенок, *kitten* / котенок, *butterfly* / бабочка, *bee* / пчела;

– маскулинные акценты: *bull* / бык, *crow* / ворон, *monkey* / обезьяна.

• «Флора» (значимая диспропорция):

– фемининные: *flower* / цветок, *leaf* / листок, *tree* / дерево, *grapefruit* / грейпфрут (87% случаев);

– маскулинные: *fruit* / фрукт (ограниченный репертуар);

• «Атмосферно-гидросферные явления»:

– фемининные: *water* / вода, *fire* / пламя, *wind* / ветер, *sunlight* / солнечный свет, *pebble* / галька;

– маскулинные: *ice* / лед, *rock* / камень, *storm* / шторм, *wave* / волна, *sand* / песок;

• «Геологические референции»:

– фемининные: *marble* / мрамор, *sapphire* / сапфир, *diamond* / бриллиант (эстетико-ценностный фокус);

– маскулинные: *coal* / уголь, *marble* / мрамор (утилитарно-силовой акцент).

2. Артефактные парадигмы

• «Бытовые объекты»:

– фемининные: *glass* / стекло, *dagger* / кинжал, *doll* / кукла, *jewel* / драгоценность (акцент на хрупкости/декоративности);

– маскулинные: *wall* / стена, *flag* / флаг, *puppet* / марионетка (акцент на структуре/контроле);

• «Техногенные референции»:

– фемининные: *rocket* / ракета, *missile* / снаряд, *laser beams* / лазерные лучи, *car* / автомобиль, *tank* / танк, *spotlight* / прожектор (источники направленной энергии или движения);

– маскулинные: laser beams / лазерные лучи, freight train / товарняк, trigger / спусковой крючок, radar / радар, missile / снаряд (контролируемое воздействие);

• «Материальные субстраты»:

– фемининные: silk / шелк, porcelain / фарфор, cotton / хлопок (тактильные качества);

– маскулинные: steel / сталь, velvet / бархат, drug / наркотик (функциональные/сенсорные свойства);

• «Гастрономические образы»:

– фемининные: honey / мед, chocolate / шоколад, cream / сливки (гедонистический код);

– маскулинные: caramel / карамель, butter / масло, fruit / фрукт (ограниченный набор).

3. Антропоцентрические модели

• «Реальные лица»:

– фемининные: Madonna / Мадонна, M. Monroe / Мэрлин Монро, Princess Diana / Принцесса Диана, Scarlett Johansson / Скаллетт Йохансон, Julia Roberts / Джулия Робертс, Gwyneth Paltrow / Гвинет Пэлтроу (иконы поп-культуры);

– маскулинные: J. Depp / Джонни Депп, B. Willis / Брюс Уиллис, Justin Timberlake / Джастин Тимберлейк, Leonardo Di Caprio / Леонардо ДиКаприо (архетипы маскулинности);

• «Вымышленные персонажи»:

– фемининные: Mary Poppins / Мэри Поппинс, Cinderella / Золушка, James Bond / Джеймс Бонд, Goldilocks / Златовласка, Cheshire Cat / Чеширский Кот, Snow White / Белоснежка, the Grinch / Гринч, Oliver Twist / Оливер Твист, Schreck / Шрек, Tess Durbeyfield / Тэсс из д'Урбервилей;

– маскулинные: Cheshire Cat / Чеширский Кот, Prince Charming / Принц Чарминг, Hulk / Халк, Bamby / Бэмби, Robocop / Робокот, Squidward / Сквидвард, Daryl Van Horne / Дэрил Ван Хорн, Dorothy of the Wizard of Oz / Дороти из Волшебника из страны Оз, Rapunzel / Рапунцель;

• «Мифологические существа»:

– фемининные: goddess / богиня, mermaid / русалка, fairy / фея (85% упоминаний);

– маскулинные: god / бог, magician / маг, elf / эльф (редкие референции).

Таким образом, как видно из проведенного анализа, фаунистические образы доминируют в обеих группах, но с вариативностью (puppy / kitten ♀ vs bull / crow ♂). Что касается ТГ «Флора», то она функционирует как женский маркер: растительные компараты в 4,7 раза чаще характеризуют женщин.

Кроме того, можно наблюдать технологическую асимметрию: маскулинные образы тяготеют к инструментам силы (missile, radar), фемининны – к визуальным медиа (film, spotlight).

Также следует подчеркнуть и мифологический дисбаланс: женские образы эксплуатируют мифопоэтический потенциал в 3,3 раза активнее.

Данное распределение отражает глубинную связь между выбором компарата и культурными стереотипами репрезентации гендера.

Заключение

Проведенное исследование на материале современной англоязычной женской прозы позволило выявить системные закономерности в репрезентации гендера через сравнительные конструкции. Основные выводы сводятся к следующим положениям:

1. Гендерная асимметрия тематического спектра. Лексико-семантический анализ подтвердил выраженную диспропорцию в частотности и тематической направленности фемининных и маскулинных сравнений:

• количественный дисбаланс: наиболее репрезентативные ТГ («Внешность», «Физические действия») демонстрируют значительный объем как женских, так и мужских сравнений. Однако в ТГ «Эмоционально-психическое состояние» наблюдается резкий контраст: фемининные сравнения (n = 136) существенно доминируют над маскулинными (n = 16). Это свидетельствует о меньшей авторской фокусировке на вербализации внутреннего мира мужских персонажей;

• качественное различие: уникальным аспектом фемининных сравнений является наличие ТГ «Мышление, интеллект», отсутствующей в маскулинных ТГ. Это указывает на специфическую художественную актуализацию интеллектуальной сферы как атрибута женской идентичности в исследуемом дискурсе.

2. Специфика образных парадигм. Анализ выявил устойчивые гендерно-маркированные паттерны в выборе образов сравнения (правого элемента) для ключевых ТГ:

• внешность (ТПГ «Общее впечатление»). Для фемининных сравнений характерна следующая иерархия: ТГ «Фауна» (визуальное/ассоциативное сходство – looks like a spider) > «Артефакты» (хрупкость, эстетика, оценка – porcelain doll, marshmallow) > «Мифологические существа» (необычность/красота/опасность – siren, goddess) > «Антропонимы» (узнаваемость – Mary Poppins, Gwyneth Paltrow). В группе маскулинных сравнений доминирует ТГ «Фауна» с акцентом на собаках (физические черты, поведение, статус – dogs fighting, Rottweiler), далее ТГ «Артефакты» (социальное восприятие, состояние – common socks, tarnished silver) и «Антропонимы» (Justin Timberlake, Squidward). Наблюдается утилитарно-поведенческий вектор в сравнении с эстетически-ассоциативным у женщин;

• физические действия. В группе фемининных сравнений (ТПГ «Собственно действия», «Движение») доминируют образы ТГ «Фауна» (shark scenting blood – агрессия), дополняемые образами ТГ «Природные явления»

(whirlwind), «Артефакты» (missile, chewing gum) и «Мифологические существа» (fairy). В группе маскулинных сравнений преобладают образы ТГ «Фауна» (часто хищники – lion, alligator), «Артефакты» (heat-seeking missile), «Мифологические существа» (magician) и «Вымышленные персонажи» (Incredible Hulk). Подчеркивается сила, агрессия, технологичность;

- эмоциональное состояние. Фемининные сравнения имеют наибольшее разнообразие парадигм: «Человек» (особенно ребенок – kid not invited), «Фауна» (caged lion), «Артефакты» (champagne), «Природа» (wave), «Антропонимы» (Julia Roberts), ситуативные сравнения (panther in room). Конструкция с глаголом feel является базовой. Маскулинные сравнения крайне ограничены. В этой группе доминирует глагол feel (abandoned dog, threatened building). Ключевыми парадигмами являются «Антропонимы» (Prince Charming / Rapunzel), «Артефакты» (threatened building), «Фауна» (wild animal). Вербализация часто связана с болью, беспомощностью, социальным статусом.

3. Гендерные стратегии репрезентации. Сравнения выступают ключевым стилистическим механизмом конструирования гендерной идентичности:

- фемининность: репрезентируется через детализированную внешность (включая походку), эмоциональную экспрессивность (широкий спектр чувств и их образного воплощения), ассоциативность (фауна, природа, артефакты), интеллектуальную сферу (уникальная ТГ);
- маскулинность: концентрируется на внешних проявлениях (действия, физические параметры), поведенческих аспектах (борьба, сила, статус), сдержанной или опосредованной вербализации эмоций. Эмоциональная сфера маркируется дефицитарно как количественно, так и качественно.

4. Культурно-дискурсивные импликации. Выявленные закономерности отражают:

- авторскую интенцию: приоритезацию внутреннего мира и внешнего облика женских персонажей, соответствующую аудиторной ориентации жанра «женской прозы»;
- социальные стереотипы: устойчивость традиционных представлений: связь женственности с эмоциональностью, эстетикой, уязвимостью; маскулинности – с силой, действием, сдержанностью;
- когнитивные модели: сравнения выступают инструментом категоризации и осмысления гендера, актуализируя культурно-специфичные ассоциативные связи (женщина – природа/объект, мужчина – техника / субъект действия).

Системный анализ сравнительных конструкций в современной женской прозе не только подтверждает наличие значимой гендерной асимметрии в тематике и образном строе, но и раскрывает их как мощный лингвистический инструмент художественного конструирования гендерных идентичностей, отражающий и воспроизводящий культурно обусловленные представления о женственности и мужественности. Наблюдаемая диспропорция, особенно в репрезентации эмоций и интеллекта, подчеркивает специфику женского письма и его роль в рефлексии гендерного опыта.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о перспективности дальнейших лингвистических и литературных исследований текстов женской авторской прозы. Актуализируется необходимость междисциплинарного и диахронического сравнительного анализа лингвистических особенностей, характерных для произведений женской прозы разных эпох, включая тексты, созданные в рамках различных языковых традиций. Такое направление позволит глубже осмыслить эволюцию гендерных лингвистических стратегий, а также выявить универсальные и специфические черты репрезентации женского опыта в художественном дискурсе.

Материалы исследования | Research materials

1. Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
3. Казаков А. В. Образные средства и парадигматические ряды образов с названиями частей тела в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2004.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. А. Н. Баранова. М.: УРСС Эдиториал, 2004.
5. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
6. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Наука, 1995.
7. Солганик Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи. М.: Academia, 2005.
8. Gibbs R. W. Embodiment and Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805844>
9. Hussein R. F., Sawalha M. A Corpus-based Study of Similes in British and American English // Arab World English Journal (AWEJ). 2016. Vol. 7. № 2. <https://doi.org/10.24093/awej/vol7no2.4>
10. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
11. Littlemore J. Metaphor and Embodied Cognition: Language, the Body, and the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

12. Martynyuk A., Akhmedova E. (Sub)cultural specificity of fiction simile and the choice of translation strategy // Topics in Linguistics. 2022. № 23 (2). <https://doi.org/10.2478/topling-2022-0011>
13. Oleniak M. Semantic representation of similes (based on the Ukrainian, English and Polish languages) // Topics in Linguistics. 2018. № 19 (1). <https://doi.org/10.2478/topling-2018-0002>
14. Steen G. The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // Review of Cognitive Linguistics. 2011. № 9 (1).
15. Steen G. Understanding Metaphor in Literature. L. – N. Y.: Longman, 1994.
16. Ullah S., Zahra T., Khan F., Ahmad A. Exploring Simile in Political Speeches through Corpus Techniques // PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2021. № 18 (4).

Информация об авторах | Author information

RU**Гергель Ольга Викторовна¹**, к. филол. н.¹ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа**EN****Olga Viktorovna Gergel¹**, PhD¹ M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa¹ gergel.olga@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2025; опубликовано online (published online): 01.09.2025.

Ключевые слова (keywords): репрезентация гендера; образные парадигмы сравнений; сравнение в художественном тексте; компарат; компарадум; gender representation; figurative paradigms of comparisons; comparison in literary text; compare; comparadum.